

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

МЕТАЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В АРАБСКОЙ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

© 2018

А. Ю. КРЫЛОВ

В статье рассматриваются некоторые металогические приемы, используемые в современной арабской ораторской речи и оказывающие эффективное экспрессивно-эмоциональное воздействие на реципиента. Дается описание ряда средств языковой выразительности, посредством которых реализуется эмотивная функция языка.

Ключевые слова: металогические приемы; эмоции; тропы; фигуры речи; экспрессия; выразительность; риторика; ораторская речь.

DOI: 10.7868/S0869190818020097

THE META-LOGIC TECHNIQUES IN ARABIC ORATORIC SPEECH

Alexander Yu. KRYLOV

The article deals with some meta-logic techniques used in nowadays Arabic oratoric speech. They have effective and expressive emotional impact on the recipients. The research shows a number of means of language expressiveness through which the emotive function of language is implemented.

Keywords: meta-logic techniques; emotions; tropes; figures of speech; expression; expressiveness; rhetoric; oratorical speech.

Зарождение искусства красноречия, риторики как особого вида творческой деятельности восходит к периоду VII–IV вв. до н.э. и связано с древнегреческой культурой. У истоков ораторского искусства Древней Греции стояли такие мастера убеждающего слова, как Перикл, Исократ, Демосфен, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель и др. Яркая ораторская речь, экспрессивно окрашенная, содержащая как рациональную, так и богатую эмоциональную информацию, речь, адекватная условиям, сложившимся в коммуникативном пространстве человеческого общества, во все времена была призвана убедить и привлечь на свою сторону, оказать необходимое психологическое воздействие на адресата.

Поэтому убеждение как способ психологического воздействия на собеседника с целью изменения его убеждений, взглядов, мнения, оценки и т.д. предполагает использование как рациональных (логических), так и эмоциональных риторических приемов, воздействующих на интеллектуальную и эмоциональную сферу реципиента (см. об этом: [Риторика..., 2013, с. 152–156]). Данное исследование касается области эмоционального

КРЫЛОВ Александр Юльевич – кандидат филологических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”; kriira@migmail.ru.

Alexander Yu. KRYLOV – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the School of Asian Studies at the Faculty of World Economy and International Affairs in the National Research University “Higher School of Economics”; kriira@migmail.ru.

воздействия и средств, применяемых для достижения перлокутивного эффекта речевого высказывания.

Как показывают исследования современных психолингвистов и лингвистов в области эмотивной функции языка, в основе убеждающей, эффективной речи лежат эмоции. Ведь экспрессивная лексика оказывает на реципиента порой гораздо более серьезное воздействие, чем логические заключения. Как писал Аристотель, “...недостаточно знать, что следует говорить, но нужно также знать, как следует говорить: это весьма способствует желаемому впечатлению от речи” [Аристотель, 2011, с. 123].

Умение строить речь в соответствии с эмоционально окрашенной коммуникативной ситуацией, оказывать речевое воздействие на собеседника связано с постижением природы и реализацией понятийной категории эмотивности, имеющей специальные средства выражения в языке и представленной на всех его уровнях, категории, которая активно исследуется в современной лингвистике.

Рост интереса к эмотиологии (лингвистике эмоций) обусловлен интралингвистическими факторами, развитием ряда научных направлений: коммуникативного, прагматического, когнитивного, культурологического и др. Согласно исследованиям психолингвистов, эмотивен весь человеческий язык. “В процессе языкового опосредования, — пишет В.И. Шаховский, — эмоциональность как психологическое явление трансформируется в эмотивность, которая является уже языковым явлением” [Шаховский, 2008, с. 29]. То, что в языке все эмоционально, отмечают в своих трудах такие ученые, как Ш. Балли, В.Г. Гак, Е.Ю. Мягкова и др. Результаты научных исследований указывают на комплексный характер вербальной манифестации эмоций, на наличие паралингвистического аспекта выражения эмоций.

Развитие нового направления в языкознании — *эмотиологии* (лингвистики эмоций) — связано с разработкой единой теории эмотивности. Как междисциплинарная отрасль науки эмотиология опирается на данные, полученные в результате разработок ряда концепций и теорий эмоций: философской, биологической, когнитивной, психологической, социальной, физиолого-активационной, мотивационной, неврологической, информационной, познавательной, функциональной и др. Зачинателями этого нового в лингвистике направления стали отечественные ученые, среди которых И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко, С.Б. Берлизон, В.А. Мальцев, Н.М. Павлова, Н.М. Михайловская, З.Е. Фомина, В.И. Шаховский и др. Из зарубежных лингвистов проблему эмоций в языке исследуют А. Вежицкая, Б. Волек, Дж. Эйчисон [Шаховский, 2008, с. 5–16, 21; Шаховский, 1984, с. 97–103] и др.

Значительное расширение сферы межкультурного общения стало мощным дополнительным источником эмоций и экспрессии в современной печати, в электронных средствах коммуникации и т.д. Не случайно эмоции являются одной из самых привлекательных тем для научных разысканий, а функционирующий в современном культурно-информационном пространстве человек с его мыслями, чувствами и переживаниями стал центральной фигурой в лингвистических исследованиях. На анализ и изучение функций эмоций в деятельности людей помимо лингвистики нацелены многие науки, среди которых психология, философия, социология, физиология, медицина, этика и др.

Степень эмоционального речевого воздействия на реципиента, разумеется, зависит от целого комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов, касающихся психологических, национальных, этнических и других особенностей, а также моральных и нравственных ценностей индивида. Языковой коллектив каждого этноса имеет свойственные ему культурно обусловленные эмоции, т.е. “когнитивные сценарии эмоций сформированы не универсальной человеческой биологией и психологией, а культурой конкретного этноса и его национально обусловленными рефлексам” [Шаховский, 2008, с. 22]. И хотя вербализация эмоций в различных лингвокультурах происходит согласно национальным особенностям, “эмоциональная сущность человека... признана когнитологией в качестве психологической универсалии” [там же, с. 29].

Реализация эмотивной функции языка в дискурсивном пространстве арабов, отличающихся достаточно высокой эмоциональной насыщенностью речи, происходит в условиях, когда в арабоязычном обществе одновременно функционируют две языковые системы, функционально дополняющие одна другую. Это строго нормированный и в целом единый для всех арабских стран литературный идиом и многочисленные региональные идиомы, представленные устными обиходно-разговорными, диалектными языками арабов, имеющими в каждой стране свои отличия. При этом литературная и диалектная формы арабского языка типологически различны (синтетическая и аналитическая соответственно).

Уникальность языковой ситуации, сложившейся в арабском мире и получившей название “диглоссия”, выражается в наличии особых лингвистических и социокультурных условий порождения речи у арабов, а также в создании известных трудностей при понимании и переводе арабской речи. Ведь “если в русском языке различие в стилях как тоналностях, регистрах речи осуществляется в рамках одной языковой системы, то в арабском эти различия более многомерны” [Финкельберг, 2007, с. 152].

Вопросы достижения выразительности, убедительности высказывания с древних времен поднимались в арабском языкознании. Арабские ученые глубоко исследовали средства украшения речи, речевые приемы точного и ясного выражения мыслей, что имело колоссальное значение для развития искусства риторики. Понятия таких образных средств выражения эмоциональности, как метафора, метонимия и др., были выработаны арабскими лингвистами еще в IX в. [Сpirкин, 2004, с. 524]. Учения о фигурах речи, тропах, а также риторике, стилистике речи разрабатывались в трудах таких видных арабских филологов, как Абу Убайда ибн аль-Мусанна, Абу Усман аль-Джахиз, Абдалкахир Джурджани, Ибн Кутейба, Юсиф ас-Сакьяки, Ибн аль-Мутааз, аз-Замахшари, аль-Казвини, Абу Хилал аль-Аскари, Ас-Сейид Ахмад аль-Хашими, аль-Халиль бен Ахмед и др.

Ораторское искусство арабов связано с понятием خطبة [ḥutba], под которым понимается ораторская речь или проповедь. Этот жанр арабской художественной прозы, предполагающий образную, красноречивую речь с целью оказания необходимого воздействия на слушающую аудиторию, зародился в глубине старинных арабских традиций, еще в доисламские времена и связан с процедурой сватовства и сопровождающим ее речевым ритуалом. Не случайно слово خطيب [ḥaṭī: b] означает “оратор, проповедник, жених”. В публичных выступлениях арабские ораторы и поэты древности выразительно и красноречиво прославляли своих соплеменников, осуждали недругов [Гафарова, 1989].

С течением времени ораторское искусство арабов активно развивалось и совершенствовалось. Речи проповедников, политиков, военачальников содержали различные средства создания выразительности — тропы, речевые фигуры, фразеологизмы, изречения из Корана. Формирование арабской языковой личности, ее коммуникативной компетенции, а также ораторской индивидуальности, специфики индивидуально-авторского стиля арабских ораторов издревле во многом опиралось на богатейшие средства передачи образности и выразительности, содержащиеся в Коране, в трудах древних ученых. Арабская риторика дала миру имена многих прославленных ораторов, среди которых Абу Бакр ас-Сиддык, аль-Газали, Хасан аль-Басри, халиф Али и др. Здесь хочется заметить, что коммуникативные намерения оратора реализуются с высокой эффективностью, если он помимо прочих своих риторических качеств является еще и харизматической личностью и способен произносить речь, “...обращаясь не к разуму, а чувствам тех, в чьих глазах он из простого смертного превращается в пророка, властителя умов, обладателя истины” [Фрумкина, 2001, с. 300].

Ораторские выступления арабов обычно охватывают религиозную, политическую, социальную, бытовую сферы жизни. Особое значение в арабском социуме приобретают публичные выступления на общественно-политическую тему, связанные с острейшими проблемами современного арабского общества.

Как известно, речь коммуниканта бывает *автологической* — с использованием слов в их прямом значении, а также *металогической* — с использованием слов в их переносном значении (т.е. с применением изобразительно-выразительных средств языка). Идиостиль собеседника, оратора представляет собой определенное сочетание автологических и металогических характеристик речи. В настоящей работе я коснусь некоторых металогических приемов, характерных для речи арабских ораторов современности, в частности руководителей арабских государств разных лет, предложив читателю способ рассмотрения и описания арабских средств языковой выразительности с позиций отечественного языкознания.

В числе ярких эмоционально-экспрессивных лексических средств в публичных выступлениях арабских политиков отмечаются тропы, среди которых, безусловно, выделяется метафора. Еще античные авторы признавали, что “нет тропа более блистательного, сообщающего речи большее количество ярких образов, чем метафора” (цит. по: [Голуб, 2007, с. 135]). Состоящий “в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.” [Ахманова, 2004, с. 231], данный троп широко употребляется в публичной речи.

Метафоры простые и развернутые (расширенные) активно используются в различных функциональных стилях и речевых жанрах, повышая выразительность и убедительность высказываний.

Пример простой метафоры встречаем в речи Г.А. Насера в Каирском университете перед представителями интеллигенции 25 апреля 1968 г., в которой египетский президент коснулся создавшейся в Египте политической ситуации: *ماكنش ممكن في الفراغ اللي مر بينا ان احنا* [Насер, 1968; Игнатъев, 1982, с. 16] — “Нельзя было приступить к перестройке страны в обстановке того вакуума, который царил у нас...” [Насер, 1979, с. 192].

В этом же выступлении оратор пользуется *развернутой метафорой*, характеризуя военно-политическую обстановку в своей стране: *ولما بقول هذا الكلام باعتقد أن المتقنين أول من يستطيع أي مهندس أنه يبدأ في وضع مشروع بناء على الأرض التي تعرضت يفهم ما وراء هذا القول من اعتبارات. بعد الزلزال لا يستطيع أي مهندس أنه يبدأ في وضع مشروع بناء على الأرض التي تعرضت للزلزال. لازم يعرف مستوى الأرض اللي حا يبني فوقها ولازم يعرف صلابة الأرض وياه اللي عاوزه للبناء وياه الإمكانيات المتوفرة لأقامة هذا البناء. عندما أقول إننا انتظرنا فترة يستمر فيها الحوار لكي تتركز وتتبلور محصلة أصيلة له فمعنى هذا ان كان لازم يمر الوقت بعد الصدمة نفوق من الصدمة ونحسب وضعنا ثم نتحرك بدون انفعال* [Насер, 1968; Игнатъев, 1982, с. 16] — “Когда я это говорю, я полагаю, что интеллигенты прежде других способны понять, что это значит. После землетрясения никакой инженер не может начинать разработку проекта строительства на земле, пострадавшей от землетрясения. Он должен знать насколько ровная земля, на которой он будет строить, он должен знать прочность грунта и что ему необходимо для строительства и какие есть возможности для постройки этого сооружения. Когда я говорю, что мы выждали время для продолжения диалога, чтобы выработать и дать четкую формулировку полученному результату, это означает, что должно было пройти время после полученного удара, мы должны были оправиться от удара, оценить свое положение, а затем спокойно начать действовать”.

Именно Г.А. Насеру принадлежит смелое новаторство в области современного арабского ораторского искусства: в своих публичных выступлениях египетский президент общался с аудиторией на понятном широком народным массам разговорно-диалектном языке Египта, чередуя его с языком литературным. Такое использование различных языковых регистров способствовало достижению максимальной выразительности высказывания и производило сильное впечатление на публику. Впоследствии его примеру последовали и другие политические деятели и лидеры арабских стран, которые в своих выступлениях все чаще стали использовать различные ритмико-синтаксические конструкции, присущие диалектным языкам арабов. Как отмечает в связи с этим Г.Ш. Шарбатов, «диалект вторгается в такую сферу языкового функционирования, которая считалась “святая святых” устной литературной речи: на диалекте может быть произнесена политическая речь в парламенте или прочитана научная лекция» (цит. по: [Игнатъев, 1983, с. 83]).

В речи арабов, особенно ораторской, наполненной острой полемикой и горячей дискуссией, важная роль принадлежит риторическим стилистико-синтаксическим структурам, привносящим в высказывание яркую эмоционально-экспрессивную окраску. Так, в упомянутой выше и проанализированной речи Г.А. Насера, длившейся порядка 112 минут, я выделил более 240 единиц средств выразительности в металолической речи, среди которых 7 тропов (метафор) и множество фигур речи (48 анафор, 14 эпифор, 4 симплоки, 8 антитез, 128 персонификаций, 14 параллельных конструкций и др.), что свидетельствует о том, что в данной ораторской речи частотность употребления всевозможных разновидностей повтора и фигур семантико-стилистического характера значительно выше, чем частотность использования тропеических средств. Такая закономерность в целом прослеживается и в выступлениях других арабских лидеров, например А. Садата. Впрочем, соотношение различных средств выразительности в металолической речи арабов, в том числе речи ораторской, относится к теме дальнейших исследований.

Следуя А.С. Игнатеву, я разделяю риторические фигуры, характерные для арабской ораторской речи, на две большие группы. К первой относятся ритмико-синтаксические фигуры: разновидности повтора, появляющиеся при особом расположении фраз, синтагм (анафора, эпифора, симплока, плеоназм, различные повторы и др.). Ко второй — фигуры семантико-стилистического характера, возникающие в речи как результат взаимосвязи разнотипных ритмико-синтаксических фигур (градация, антитеза, параллелизм, персонификация и др.).

Рассмотрим некоторые риторические фигуры, относящиеся по классификации А.С. Игнатева к *первой группе*, строящиеся “на принципе лексической повторности и ритмико-синтаксической эквивалентности входящих в них единиц” [Игнатев, 1982, с. 5, 7].

Анафора как фигура речи состоит “в повторении начального слова в каждом параллельном элементе речи” [Ахманова, 2004, с. 47]. Эта ритмико-синтаксическая фигура часто встречается в публичных выступлениях. В приводимом ниже отрывке из речи президента САР Х. Асада находим использование анафоры оратором для усиления эмоционально-экспрессивного воздействия на аудиторию: *البناء الداخلي سياسيا واقتصاديا واجتماعيا: نفعل ذلك في البناء الداخلي سياسيا واقتصاديا واجتماعيا: نفعل ذلك في البناء القومي عملا جادا لتعزيز التضامن العربي وتحقيقا لكل خطوة وحدوية ممكنة ونفعله في المجال الدولي تعزيزا ونفعله في البناء القومي عملا جادا لتعزيز التضامن العربي ونفعل ذلك رافعين راية شرف امتنا وكرامتها..* [Асад, 1979] — “Мы делаем это во внутреннем строительстве в политической, экономической, социальной сферах, мы делаем это в области национального строительства, серьезно работая над укреплением арабского единства, совершая каждый возможный шаг к единству, мы делаем это в международной сфере, укрепляя статус нашей страны, нашей нации, защищая нашу землю и права арабов. Мы делаем это под знаменем чести нашей нации и ее достоинства...”

Интересны примеры с использованием анафоры в речи ливийского лидера М. Каддафи: *هل سنترك الاطفال ونترك البيوت ونترك المساجد...؟ انتم الذين سببتم الحرب العالمية الاولى و الحرب العالمية الثانية وانتم الذين قتلتم...؟* [Каддафи, 1992] — “Разве мы бросим детей, бросим дома, бросим мечети...?” *30 مليون من البشر الابرياء... وانتم الذين استعمرتم العالم* [там же] — “Это вы стали причиной первой и второй мировых войн, это вы убили 30 миллионов невинных людей... это вы колонизировали мир...”

Такая ритмико-синтаксическая фигура, как *эпифора*, представляющая собой повтор “слова или звукосочетания в конце фразы или нескольких фраз” [Ахманова, 2004, с. 528], достаточно характерна для ораторской речи Г.А. Насера: *قوى الشعب هي الضمان، بقطة الجماهير هي* [Насер, 1968; Игнатев, 1982, с. 25] — “Сила народа — вот гарантия, бдительность народных масс — вот гарантия, движение народных масс — вот гарантия...”, и Х. Асада: *...هي المرشد والموجه... هي المرشد والموجه...* [Асад, 1979] — “...поистине дела народа и нации, чаяния народа и нации, цели народа и нации...являются ориентирующим и направляющим началом”.

Наличие в высказывании анафоры и эпифоры, когда в начале и в конце предложения повторяются структурно и семантически аналогичные компоненты, образует *симплоку*, при которой повторяющиеся элементы, как замечает А.С. Игнатьев, “выступают в качестве основного средства выделения смысла неповторяющихся частей и создания или усиления экспрессивного эффекта высказывания” [Игнатьев, 1982, с. 5].

Эта фигура ярко проявляется в ораторской речи Г.А. Насера: *مش حنقدور نعمل جيش جديد في يوم وليلة. مش حنقدور نتدرب على الاسلحة اللي حصلنا عليها في يوم وليلة، مش حنقدور نبني وحدات جديدة ونطلع ضباط جداد ونجهز طيارين جداد في يوم وليلة*. [Насер, 1968] — “Мы не сможем создать новую армию за день и ночь, мы не сможем научиться владеть полученным оружием за день и ночь, мы не сможем сформировать новые части, выпустить новых офицеров и подготовить новых летчиков за день и ночь”. Отмечая данный отрывок из речи египетского президента в связи с *симплокой*, А.С. Игнатьев заключает, что эта риторическая фигура приводит и к созданию градации [Игнатьев, 1982, с. 4, 17]. Находим эту фигуру речи и в выступлении Х. Асада: *نحن لدينا ما نشكوه في مجال الزراعة ولدينا ما نشكوه في مجال الصناعة وفي مجال المرافق والخدمات وفي مجال الديموقراطية الشعبية. لدينا الكثير مما نشكوه في كل مجال*. [Асад, 1979] — “Нам есть, на что сетовать в области сельского хозяйства, нам есть, на что сетовать в области промышленности, в области коммунальных служб и сервиса, в области народной демократии. Нам на многое можно сетовать в каждой области...”.

Как ритмико-синтаксическая фигура широко распространен в речи арабов *повтор*, яркий пример которого встречаем у А. Садата, оратора искусного, артистичного, среди металогических приемов в выступлениях которого много ярких риторических фигур, подчеркивающих его индивидуально-авторский стиль: *وربما اضيف لكي يسمعو في إسرائيل: إننا لسنا دعاة إبادة كما يزعمون إننا لسنا دعاة إبادة كما يزعمون وصواريخنا المصرية عابرة سبنا من طراز “ظافر” موجودة الآن على قواعدنا. إن صواريخنا المصرية العربية عابرة سبنا من طراز “ظافر” موجودة الآن على قواعدنا*. [Президент Садат..., 1973] — “...может быть, я добавлю, чтобы в Израиле услышали: мы не поборники уничтожения, как утверждают, мы не поборники уничтожения, как утверждают, и наши египетские ракеты типа “Зафир”, способные преодолевать территорию Синая, сейчас находятся на наших базах. Наши арабские египетские ракеты типа “Зафир”, способные преодолевать территорию Синая, сейчас находятся на наших базах”.

Одной из разновидностей повтора в арабской ораторской речи является *эпаналепсис*, при котором одно и то же слово повторяется в начале и в конце идущих одна за другой фраз, словно соединяя их.

В речи Х. Асада встречается эта разновидность повтора: *إن الطريق طويل وطويل جدا. واعر. واعر... [Асад, 1979] — “Путь длинный, и очень длинный. Ухабистый, и очень ухабистый...”*.

Часто одно и то же слово повторяется на протяжении большого отрезка высказывания, чем достигается его максимальная актуализация. Такой повтор называется *эпимоной* и выполняет в речи экспрессивно-выделительную функцию.

Так, Г.А. Насер в своем выступлении долго и обстоятельно говорит о личности интеллигента, о его ответственности перед обществом, многократно повторяя слова *مثقف* *مثقف ملتزم*.. يعني ايه ملتزم ؟ لازم نحدد دور الالتزام ودرجات الالتزام بالنسبة للمثقف. [muṣ aqqaf] (интеллигент) *الالتزام الوحيد هو الالتزام بالارتقاء بالمجتمع عن طريق المشاركة في العمل والتوجيه السياسي والفكري ولا يستطيع المثقف ملتزم أن يؤدي هذا الدور بالعزلة وانما يستطيع اداء هذا الدور بالاقتراب وبالاندماج في المجتمع. لا بد للمثقف أن يدرس أحوال المجتمع ...*, لا بد للمثقف أن يعاني ما يعانيه المجتمع. لا بد للمثقف أن يستوعب مشاكل المجتمع [Насер, 1968; Игнатьев, 1982, с. 12] — «Интеллигент — человек ответственный...что значит “ответственный”? Мы должны определить роль ответственности и степени ответственности, касающиеся интеллигента. Единственная ответственность — это ответственность за развитие общества посредством участия в труде, в деятельности по идейной и политической ориентации, при этом ответственный интеллигент не сможет выполнить эту функцию в изоляции, а сможет выполнить эту функцию, соединившись и слившись с обществом. Интеллигент должен изучать состояние общества, интеллигент должен переживать то, что переживает общество, интеллигент должен понимать проблемы общества...».

На протяжении приведенного выше относительно небольшого отрывка речи оратор 6 раз употребляет слово *مثقف*, 4 раза — *التزام*, 3 раза — *ملتزم*, обращая тем самым особое внимание слушателей на предмет разговора.

“Эпаналепсис и эпимона, — отмечает А.С. Игнатъев, — позволяют осуществлять органичный и плавный переход от одной фразы к другой и обеспечивают достижение эффекта конвергенции, ведущего к усилению экспрессивности пучка примененных стилистических фигур” [Игнатъев, 1982, с. 6].

Широкое использование в ораторской речи получила такая риторическая фигура, как *плеоназм*, которая заключается в концентрации ритмико-синтаксических единиц синонимического характера в рамках одной фразы. Пример употребления этой стилистической фигуры мы встречаем в выступлении Г.А. Насера: *علشان نمشي في. علشان ناخذ الدروس..* [Насер, 1968; Игнатъев, 1982, с. 16] — “Мы хотим извлечь уроки... чтобы идти верным путем, правильным путем”, в речи М. Каддафи: *لأن من وراء هذا البحر..* [Каддафи, 1992] — “...потому что из-за этого моря продолжались варварские набеги и дикие нашествия”.

В рамках *второй группы* рассмотрим фигуры, “основу экспрессивности которых составляют особенности в выборе и структурно-тектоническом расположении составляющих их синтагм” [Игнатъев, 1982, с. 7].

Среди риторических фигур в ораторской речи арабов особое место принадлежит *градации*, которая бывает восходящей или нисходящей.

Примером *восходящей градации*, когда смысловая и эмоциональная составляющие каждого последующего отрезка высказывания возрастают по сравнению с предыдущим, может служить отрывок из речи Х. Асада: *نبي الصناعة ونوسع ركة الزراعة ونعزز القاعدة الاقتصادية، نشيد: نعمل عملا المدارس والمعاهد والجامعات ونوسع فيها، ننشئ المرافق العامة ونطور القائمة منها، نحسن الخدمات ونضيف إليها، نعمل مستمرا في سبيل ضمان حياة المواطن اجتماعيا ورفع مستوى معيشته، نتابع العمل في بناء وتعزيز الديمقراطية الشعبية عبر المؤسسات المحققة لهدف الديمقراطية الشعبية. نعمل كل هذا من أجل أسمى الغايات، من أجل بناء انساننا ومن أجل قضايانا القومية* [Асад, 1979] — “Мы строим промышленность, расширяем посевные площади и укрепляем экономическую базу, создаем школы, институты, университеты и расширяем их, строим и развиваем инфраструктуру, улучшаем и расширяем сферу услуг, постоянно работаем во имя обеспечения социальных гарантий граждан, повышения их жизненного уровня, продолжаем работу по построению и укреплению народной демократии через учреждения, реализующие цели народной демократии. Мы делаем все это во имя высших целей, во имя формирования нашего человека и во имя наших национальных проблем в рамках нашего национального развития и национальной ответственности”.

Пример *нисходящей градации* находим в выступлении Г.А. Насера: *وخلال سنين بنينا القوات المسلحة وحصلنا على أسلحة وفي أربع أيام كل شيء ضاع وخسرنا المعركة العسكرية وفقدنا جزء كبير، أكثر من 80%، من معدائنا* [Насер, 1968; Игнатъев, 1982, с. 17] — “...в течение ряда лет мы занимались строительством вооруженных сил, получили вооружение и за четыре дня потеряли все, потерпели военное поражение, потеряв значительную часть, более 80%, нашей боевой техники”. Стремясь раскрасить речь экспрессивными оттенками, арабы прибегают к такой стилистической фигуре, как *параллелизм*, при котором образы и мотивы высказывания связаны между собой симметричным расположением похожих элементов. Параллелизм встречаем в выступлении Г.А. Насера: *لا بد للمثقف أن يعاني ما يعانيه المجتمع، لا بد للمثقف أن يستوعب مشاكل المجتمع... المجتمع.* [Игнатъев, 1968; там же, с. 12] — “Интеллигент должен изучать состояние общества, интеллигент должен переживать то, что переживает общество, интеллигент должен понимать проблемы общества...”.

Ритмическая упорядоченность, соразмерность, свойственные параллельным конструкциям, приобретают в рамках этой риторической фигуры дополнительный эффект экспрессии при использовании изобразительно-выразительных средств. Так, синтаксический параллелизм, по словам Н.М. Разинкиной, “является чрезвычайно удобной формой реализации синонимичных возможностей языковых единиц” [Разинкина, 1989,

с. 147]. Например, у Г.А. Насера: ...عاوزين نطور بلدنا كلها، عاوزين ننهض ببلدنا كلها... [Насер, 1968; Игнатъев, 1982, с. 21] — “Мы хотим продвинуть в развитии всю нашу страну, мы хотим поднять всю нашу страну...”.

Фигурой речи, построенной на антонимировании слов и служащей для выражения контрастных понятий является *антитеза*. При этом ритмическая организация, синтаксический параллелизм структуры конструкции сохраняются, что усиливает воздействие этой риторической фигуры. Ярко звучит антитеза во фрагментах из ораторской речи Г.А. Насера: ...أهم مشكلة هي مشكلة السلام والحرب [Насер, 1968; Игнатъев, 1982, с. 15] — “Самая важная проблема — это проблема мира и войны”, ...الموضوع أكبر من كده بكثير. الموضوع هو أن نكون أو لا نكون [там же, 1968; там же, с. 19] — “Вопрос намного шире. Вопрос в том, быть нам или не быть”.

В публичных выступлениях, когда широко применяются риторические приемы эмоционального обращения к аудитории, для создания доверительной обстановки общения арабские ораторы часто прибегают к такому стилистическому средству, как *персонификация*. Указывая на особенности публичной речи арабов, А.С. Игнатъев писал, что для нее “...характерны высказывания контактного типа, которые сигнализируют о физическом присутствии говорящего, о его коммуникативной ориентированности в ситуации” [Игнатъев, 1983, с. 87]. Автор отмечает, что степень персонификации арабской ораторской речи иногда может достигать 8–10%, что способствует актуализации высказывания, повышению уровня экспрессии [там же].

Это стилистико-риторическое средство часто встречается в публичных выступлениях арабских лидеров, например Г.Н. Насера: ...و على هذا الأساس انا باقول ان المثقف ملتزم ويجب ان يكون ملتزم [Насер, 1968; Игнатъев, 1982, с. 13] — “На этом основании я говорю, что интеллигент — это человек ответственный и должен быть ответственным... и я говорю, что революционный интеллигент должен быть ответственным перед своим обществом, страной, родиной...”, в речи Х. Асада: ...اقول: هذا وانا اعرف انه لدينا الكثير مما نشكو منه في مختلف المجالات [Асад, 1979] — “Заявляя это, я знаю, что у нас есть многое, на что мы сетуем во многих областях...”, а также в выступлении нынешнего президента САР Б. Асада: ...قبل عدة أيام كان وزير الداخلية العراقي قد أتى إلى سورية واستقبلته أنا [Асад Башар, 2005, с. 9] — “Несколько дней тому назад Сирию посетил министр внутренних дел Ирака, я его принял, и он мне сказал...”.

Из изобразительно-выразительных средств, наиболее характерных для арабской ораторской речи, рассмотрим синонимы, которые часто используются в публицистических выступлениях, образуя лексический повтор. Такие примеры находим у нынешнего президента Сирии Б. Асада, который употребил, например, синонимы شجاعة [šuġ'a: ʕa] и بطولة [but'u: la] (“отвага, героизм”), несущие определенную эмотивную нагрузку: ...ستبقى قواتنا المسلحة حماة ديارنا ، ومصدر فخارنا وعرين الشجاعة والبطولة [Готовность и бдительность..., 2008, с. 34] — “Наши вооруженные силы остаются на страже нашей страны, будучи источником нашей гордости, очагом отваги и героизма”. Здесь же находим другую яркую пару синонимов عزة [ʕ'izza] и كرامة [kar'a: ma] (“честь, достоинство”): ...للتضحية في سبيل عزة الوطن وكرامته... [там же, с. 36] — “...пожертвовать собой во имя чести и достоинства родины”.

Арабская ораторская речь, отличающаяся яркими металогическими характеристиками, речь, насыщенная средствами языковой выразительности, реализуется в сопровождении широкого спектра средств невербальной коммуникации — фонационных, кинетических, проксемических, значительно повышающих эффективность эмоционально-экспрессивного воздействия на аудиторию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель. *Риторика* / Пер. и примеч. О.П. Цыбенко; под. ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова. *Поэтика* / Пер. В.Г. Апелльбота; под. ред. Ф.А. Петровского. М.: Лабиринт, 2011. 208 с.
Асад Башар. Речь господина президента Башара Асада перед Народным советом. 05.03.2005 г. (на араб. яз.) // *Джейш аш-шааб*. 2005, апрель. № 1944. С. 6–14.

Асад Х. Речь президента САР по случаю 16-й годовщины революции. 8.03.1979 г. (на араб. яз.) [Звукозапись] / Х. Асад. Дамаск. 30 мин.

Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов* [Текст]. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

Гафарова У.А. *Арабское ораторское искусство (хутба) VI – середины VIII в.* [Электронный ресурс]. Дисс... канд. филол. наук: 10.01.06. Душанбе, 1989. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/arabskoe-oratorskoe-iskusstvo-hutba-yi-serediny-yiii-vv> (дата обращения: 25.08.2017).

Голуб И.Б. *Стилистика русского языка*. 9-е изд. М.: Айрис-пресс, 2007. 448 с.

Готовность и бдительность – яркие символы нашей повседневной работы / Репортаж заведующей редакцией: поездка в одно из боевых соединений // *Джеиш аш-шааб*. 2008, декабрь. № 1988. С. 34–37.

Игнатъев А.С. Некоторые тенденции становления арабской ораторской речи как самостоятельного функционально-стилистического образования (Египет, послевоенный период) // *Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период)*. М.: Наука; ГРВЛ, 1983. С. 81–88.

Игнатъев А.С. *Обучение использованию фигур стилистического синтаксиса в публичных выступлениях на арабском языке. Учебно-методические рекомендации по использованию фонограмм публичных выступлений на арабском языке*. М.: ВКИ, 1982. 25 с.

Каддафи М. Речь по случаю Праздника розговенья 04.04.1992 [Звукозапись]. Триполи. 70 мин.

Насер Г.А. Речь в Каирском университете перед представителями интеллигенции. 25.04.1968 г. [Звукозапись]. 112 мин.

Насер Г.А. Речь в Каирском университете перед представителями интеллигенции 25 апреля 1968 г. // *Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления. 1952–1970 гг.* М.: Международные отношения. 1979. С. 191–194.

Президент Садат грозит Израилю (око за око, зуб за зуб, глубина за глубину). 16.10.1973 г. (на араб. яз.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.youtube.com/watch?v=71lZ4rG_k4w (дата обращения: 27.08.2017).

Разинкина Н.М. *Функциональная стилистика английского языка. Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков*. М.: Высшая школа, 1989. 182 с. ISBN 5–06–000211.

Риторика. Учебник для бакалавров / В.А. Ефремов [и др.]; под общ. ред. В.Д. Черняк. М.: Юрайт, 2013. 430 с. (Серия: Бакалавр. Базовый курс). ISBN 978–5–9916–2159–5.

Спиркин А.Л. Арабские лингвистические учения // *Теоретический курс арабского языка* / Под ред. Э.Н. Мишкурова. М.: ВУ, 2004. С. 524–535.

Финкельберг Н.Д. *Арабский язык: курс теории перевода*. 2-е изд. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007.

Фрумкина Р.М. *Психолингвистика. Учебник для студентов высших учебных заведений*. М.: Изд. центр “Академия”, 2001. 320 с. ISBN 5–7695–0726–8.

Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // *Вопросы языкознания*. 1984. № 6. С. 97–103.

Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций: монография*. М.: Гнозис, 2008. 416 с. ISBN 978–5–94244–019–0.

REFERENCES

Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Tekst]. Izd. 2-e, stereotip. Moscow: Editorial URSS, 2004. 576 s.

Aristotle. *Rhetorika* / Per. i primech. O.P. Tsybenko; pod. red. O.A. Sycheva i I.V. Peshkova. Poetika / Per. V.G. Appel'rota; pod. red. F.A. Petrovskogo. Moscow: Labirint, 2011. 208 s.

Asad Bashar. Rech' gospodina prezidenta Bashara Asada pered Narodnym sovetom. 05.03.2005 g. // *Dzheish ash-shaab*. 2005, aprel'. № 1944. S. 6–14.

Asad Kh. Rech' prezidenta SAR po sluchaiu 16-i godovshchiny revoliutsii. 8.03.1979 g. [Zvukozapis'] / Kh. Asad. Damask. 30 min.

Finkel'berg N.D. *Arabskii iazyk: kurs teorii perevoda*. 2-e izd. Moscow: AST: Vostok–Zapad, 2007.

Frumkina R.M. *Psikholingvistika. Uchebnik dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii*. Moscow: Izd. tsentr “Akademiia”, 2001. 320 s. ISBN 5–7695–0726–8.

Gafarova U.A. *Arabskoe oratorskoe iskusstvo (khutba) VI – serediny VIII v.* [Elektronnyi resurs]. Phd Jthesis. 10.01.06. Dushanbe, 1989. <http://cheloveknauka.com/arabskoe-oratorskoe-iskusstvo-hutba-yi-serediny-yiii-vv> (data obrashcheniia: 25.08.2017).

Golub I.B. *Stilistika russkogo iazyka*. 9-e izd. Moscow: Airis-press, 2007. 448 s.

Gotovnost' i bditel'nost' – iarkie simvol'y nashei povsednevnoi raboty / Reportazh zaveduiushchei redaktsiei: poezdka v odno iz boevykh soedinenii // *Dzheish ash-shaab*. 2008, dekabr'. № 1988. Pp. 34–37.

Ignat'ev A.S. *Obuchenie ispol'zovaniu figur stilisticheskogo sintaksisa v publichnykh vystupleniiakh na arabskom iazyke. Uchebno-metodicheskie rekomendatsii po ispol'zovaniu fonogramm publichnykh vystuplenii na arabskom iazyke*. Moscow: VKI, 1982. 25 pp.

Ignat'ev A.S. Nekotorye tendentsii stanovleniia arabskoi ora-torskoi rechi kak samostoiatel'nogo funktsional'no-stilisticheskogo obrazovaniia (Egipet, poslevoennnyi period) // *Razvitie iazykov v stranakh zarubezhnogo Vostoka (poslevoennnyi period)*. Moscow: Nauka; GRVL, 1983. Pp. 81–88.

Kaddafi M. *Rech' po sluchaiu Prazdnika rozgovn'ia 04.04.1992* [Zvukozapis']. Tripoli. 70 min.

Naser G.A. *Rech' v Kairskom universitete pered predstaviteliami intelligentsii. 25.04.1968 g.* [Zvukozapis']. 112 min.

Naser G.A. *Rech' v Kairskom universitete pered predstaviteliami intelligentsii 25 apreliia 1968 g. // Problemy egipetskoii revoliutsii. Izbrannye rechi i vystupleniia. 1952–1970 gg.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 1979. Pp. 191–194.

Prezident Sadat grozit Izrailiu (oko za oko, zub za zub, glubina za glubinu). 16.10.1973 g. [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: https://www.youtube.com/watch?v=7l1Z4rG_k4w (data obrashcheniia: 27.08.2017).

Razinkina N.M. *Funktsional'naia stilistika angliiskogo iazyka. Uchebnoe posobie dlia institutov i fakul'tetov inostrannykh iazykov*. Moscow: Vysshaia shkola, 1989. 182 pp. ISBN 5–06–000211.

Ritorika. *Uchebnik dlia bakalavrov* / V.A. Efremov [i dr.]; pod obsch. red. V.D. Cherniak. Moscow: Iurait, 2013. 430 s. (Seriia: Bakalavr. Bazovyi kurs). ISBN 978–5–9916–2159–5.

Shakhovskii V.I. *Lingvisticheskaia teoriia emotsii: monografiia*. Moscow: Gnozis, 2008. 416 pp. ISBN 978–5–94244–019–0.

Shakhovskii V.I. Znachenie i emotivnaia valentnost' edinits iazyka i rechi // *Voprosy iazykoznaniiia*. 1984. № 6. Pp. 97–103.

Spirkin A.L. *Arabskie lingvisticheskie ucheniia // Teoreticheskii kurs arabskogo iazyka* / Pod. red. E.N. Mishkurova. Moscow: VU, 2004. Pp. 524–535.